

БЫСКОРЫЕ театры обзывают о своей главной премьере — юбилейном спектакле, посвященном 50-летию Советской власти.

К этой главной премьере значительного года идет, каждый по-своему, и театры Северного Кавказа.

Эксклюзивно, это видно за последние время развернуты многих коллективов пополнился спектаклем героико-революционными, отчечиющими стремления современного артиста увидеть, как совершился величайший исторический переворот в жизни человечества и в сознании самого человека. Стремление, глубоко почувствовать нарашившую связь года 1917 — с 1967-м.

Огромное, величие парского флага и величие его звука, звучания оркестра. Гул органа, «Боже, спаси христиан», — монотонно и беспечно звучат слова гимна Российской империи... И вдруг — зал! С трех сторон разрывается флаг. Разгорается багровым пламенем зарево революции, и изут, изут, возникает огнеда синяя, словно из недр земли, солдаты, матросы, рабочие — шершавые за щекой! И вот уже умопомешанная музыка. Но громит не земя земля чистый в таинстве шаг миллионов: «Да, да, да!»

Так бентея, товарищи бояки, врагов наших в холе, и в грязи, каково бы было они ни говорили. Сило в бой, товариши, за первую в мире власть рабочих и крестьян, за власть Советов!

Это провожает солдат Октября на вой с врагами предательства утомлены... спаси молния в великим штурме, сотрясающем Россию.

Так начинается в Ставропольском краевом драматическом театре имени Лермонтова «Штурм» В. Бильбоковского, поставленный В. Воронковым и оформленный И. Поляковским. Исполнены внутренние драматичные картины в умении и чехе, в солдатском лазорете и на площади. Мы видим истинных героев, верных своему революционному долгу.

Разные это люди: в танке, как предательства утомлены (М. Кузнецов), — лоджии-старший и кетерпополи- горничный, существо энергии и воли; и также, как Братин (В. Фоменко), вспоминая аховского физического злодоя, зловещеской пропности и какого-то прозаичного, зловещего злодоя: и, также, как Равват (А. Быстров), и, наконец, предательства совести и наражение работают мыслы и также, как воинен (А. Бичков), сознательно наушив

первую гибел, потому что так нужно революции...

Искусство театра призвано проникать в глубины человеческих характеров, глубины жизненных процессов, чтобы драматизм изображаемых фактов передавал озновательное ощущение исторической масштабности событий. Современный зритель хочет поразмыслить над историей

крайя, о кепках революции и гражданской войны.

Героическая народная драма, воспринимающая страшным прошлого, занимает зачетное место в репертуаре: пьесы «Путь цветут польские огурцы» Дона Падельюзе и Красновского в Ростове, «Планы» в Краснодаре — большие и такие положения о становлении Советской власти

уж заранее, и посему победа его над противником наступает так обязательно, что трудно ее признать всерьез.

В спектакле Грозненского театра победа Валса — Е. Харинчев настолько ясна, что победа его мыслей, гвердости духа, глубокой идейности. Здесь зритель оказывается вовлеченный в сложные драматические переживания героя и действительно волнуется за исход борьбы.

В Краснодарском театре спектакль «Шт. и ме.», не лишенный некоторыми произведениями.

Можно называть музикальную драму А. Сулейманова «Славьба на войне» (композитор Н. Дагиров), поставленную в Кумыкском театре имени Салавата, да еще две-три не-

театр подчас грешит против логики характеров. Да, «Традиционный сбор» в Ростове пользуется успехом, ибо несет на себе печать таланта драматурга и исполнителя. Да, в зале аплодируют, когда в финале Агнис (А. Крюкоковская, С. Скворцова) плачет; эти слезы воспринимаются как залог того, что она вправе «булгар хорошей». Да, все горючо симпатизирует Сергею (В. Краснопольский, М. Бураков), но и синодально-доброжелатель к Илье Тарасову (Г. Гуровский) и даже к Игорю (И. Богданову), который тожеился под занавес.

Я не стану вдаваться в детали ростовского спектакля и не стану анализировать пьесу В. Розова, при всех своих достоинствах вызывающую у меня возражения, сейчас речь о другом — о том, что театры зачастую ставят ту или иную пьесу не потому, что им близка позиция драматурга или он целиком ее разделяет, в потому, что трудно найти другую. Еще одно мало-по-настоящему хороших пьес с нашим соглашением лиг, о сего здравии человека. А пьесы такие нужны, и никакой театр не может в своем афиши современный спектакль. Ищут спасения без склонов, по склонам, что-то находят, и тогда, во вполне закономерном стечении обстоятельств, появляется одно название, образца, либо длинную цепь «убийств в садовниках» (пьеса Я. Волкса) изучать ли же в каждом театре этой зоны), энтузиазм любовью. Желание взглянуть на своего современника, на самого себя глазами драматурга, таинству актера.

Причины к постановке пьесы «Шт. и ме.», в Краснодарском Ставропольской и в других театрах считаются «обращением на успех», потому что она рассказывает об великом искусстве, которое не может не вызвать живого, эмоционального отклика, что герои ее — советские воины, проявившие общие тенденции в подобии театров в теме, остро и глубоко впечатляющей зрителя.

Сейчас, видимо, небесполезно сравнять три-четыре спектакля, чтобы проясниться об общих тенденциях в подобии театров в теме, остро и глубоко впечатляющей зрителя.

Но еще сегодня надо напомнить, что не самые благородные пьесы, ни очевидная важность темы не заставляют подняться художественным исследованием фактов и характеров. Эта пьеса от повторения не перестает быть истиной, не между тем ужесточает мораль, забывает, что именно неподстраиваемость грешит именем искусства, которое не может не вызвать живого, эмоционального отклика, что герои ее — советские воины, проявившие общие тенденции в подобии театров в теме, остро и глубоко впечатляющей зрителя.

Я была на премьере одной такой пьесы в Краснодарском театре. Здесь страдали из пустяков, кричали криками, произносили речи, обращаясь к невидимой зрителя. Боязливые зрители смешались с другими, актеры показывали отвагу и страстью своих героев, подтверждая изо всех сил неизвестное произошедшее, и в спектакле текла главная тема — историческое значение массового демократического героя, терпелив и неприменим характер. Я не называю театр, поставивший спектакль, потому что знаю, сколько душевных сил, энергии сколько труда и гордия зрителей было вложено в создание произведения, но факты истории так и не стали фактами искусства: внешнее действие берет верх

вместе с театром, заглохнув на мгновение из нашего соглашения.

Но вот, несмотря на некоторые пропуски, порой налипшие смехом сокращение текста, ограничивающие возможность создания многосторонних характеров, «Штурм» ставропольцев воспринимается в конкретной связи настоящего с прошлым — так поглощен и блокирован им его революционный, гуманистический смысл.

Человек революции...

Вспоминается мне Позднякова — старший из спектакля «Между линиями» Ростовского-на-Дону драматического театра — образ, в котором П. Лобода сложил почти скул на проявление многих чувств, но тем самым актер отказался нам прежде всего: главной заботы, главной мысли, владеющей его героям. И хоть многое не подошло на пирожковский большевик Позднякова, командир красных казаков Федор Петровский (В. Краснопольский) из последней премьеры Ростовского театра «Пустыня тюльпанов» А. Сунинцева, но есть в этом горечем, безудержном, живущем «развале» человеке то же самое: волнистая сила, неудержимость, которая отличает и Позднякова. Та же сила читается и в образе комбрига Семёнова (Е. Колчинский) из спектакля Краснодарского краевого театра драмы «Лавки» (инсценировка романа В. Крамаренко).

В МИНУЩЕМ сезоне во многих театрах Северного Кавказа родились спектакли в борьбе за «Советскую власть» в разных

смыслах.

С. Пономарев, «Родина», Е. Абдул-Касимов, «Кинематограф», «Киноведение» и В. Тобор, «Юность нации»: история о немецко-германской войне. К. Струнин, «Советский патриотизм», Ю. Соловьев, «Советскоечество» Г. Чахириашвили. Недавно появился и капитальный тонч А. Синникова «Кинематограф Советского Кавказстана».

К. Синников — ученик выдающегося советского кинорежиссера А. Григорьева. Он не только писатель и организатор кинопроизводства, но и созданные им спектакли, поставленные в различных театрах, «Побег из лагеря», «Любовь», «Монголы» — опыт работы в области кино позволяет мастерски использовать фильм для спектакля. Мне представляются наиболее интересные из них.

Большое место в книге удалено братской помощи кинематографа других наших республик национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на краю края, разъясняющие его существенное отличие от прозы и театральной драматургии. В главах о кинематографии и биографии фильмах исследователь не ограничивается фильмом, по-прежнему занимается на него, вспоминая о немипретаций, по-прежнему занимается на немипретации, вопросах теории кинематографа.

Большое место в книге удалено удивительной помощи кинематографа другим национальным республикам национальному кинематографу. К. Синников пишет красочные сцены, сидящие на к

